Посвящается Игнатію Викентьевичу Яшчу.

Добровольский В.Н.

ОБРЯДЫ И ПОВѢРЬЯ,

относящіяся къ домашнимъ и полевымъ работамъ крестьянъ Смоленской губерніи.

ИЗДАНІЕ
СМОЛЕНСКАГО ГУБЕРНСКАГО СТАТИСТИЧЕСКАГО КОМИТЕТА.

СМОЛЕНСКЪ.
Типографія П. А. Силина.
1908.

ернатора.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Выполненіе домашнихъ и полевыхъ работъ у крестьянъ Смоленской губерніи сопровождается обрядами, пѣснями, повѣрьями; всѣ эти данныя народнаго міросозерцанія принадлежатъ нерѣдко глубокой старинѣ и проливаютъ свѣтъ на древній бытъ.

Даже съ орудіями производства самыхъ обычныхъ работъ: прялкою и кроснами, соединены суевѣрія, относящіяся также и къ самимъ работницамъ—пряхамъ и ткачихамъ.

Съ другой стороны ко многимъ праздникамъ и днямъ, имѣющимъ календарное значеніе, пріурочивается обрядность, имѣющая исключительно поэтическій характеръ, хотя и относящаяся къ пастушескому быту, къ земледѣлію.

Къ числу такихъ народныхъ праздниковъ и такихъ дней можно отнести святки, праздникъ св. Егорія, чистый четвергъ.

Въ особенности со святками соединяются примѣты и гаданія относительно посѣвовъ, будущаго урожая хлѣба, приплода скота, предположенія относительно выбора наиболѣе удобнаго времени производства лѣтнихъ работъ. Къ святкамъ же относятся попытки разгадать судьбу, отвѣтить на запросы о личномъ счастьѣ.

Святочная поэзія домашнимъ образомъ осуществляется въ жизни бѣлоруссовъ: водятъ хороводы и поютъ пѣсни дѣвушки, женщины; рѣдко мущины принимаютъ участіе въ этомъ веселіи, за то они устраиваютъ игрища, являются на послѣднихъ въ качествѣ бахарей, скомороховъ. Святочнымъ игрищамъ и хороводамъ присущъ драматическій и состязательный характеръ.

Въ Великоруссіи славильщиками хозяевъ, пѣвцами новогодняго Авсеня являются женщины, дѣти, мущины. И въ великорусскихъ и бѣлорусскихъ губерніяхъ даются вертепныя представленія различныхъ мистерій полукнижнаго и полународнаго характера. Живя въ Рязанской губерніи и путешествуя по Калужской и Орловской губерніямъ, я весьма интересовался святочной поэзіей, такъ называемымъ Авсенемъ, канунομъ новаго года.

Многое, забытое у насъ, сохранилось въ Рязанской и смежныхъ съ нею нашихъ центральныхъ губерніяхъ, и наоборотъ.

Рязанскимъ святочнымъ обрядомъ живо и рельефно выраженъ взглядъ народа на начало новаго года, на развитіе жизни природы подъ вліяніемъ нарождающагося солнышка; надежда земледѣльца на будущій урожай, а пастуха на будущій приплодъ скота видна въ нихъ.

Въ связи съ Авсенемъ стоятъ пѣсни о ткачихѣ и пряхѣ: фиктивное пряденье иснованье въ обрядахъ, поэтическія преданія, связанныя съ кроснами, прялкою и личностью пряхи и ткачихи, проливаютъ свѣтъ на пѣсни очевидно древняго и миѳическаго характера, наше старинное сказаніе о князѣ Петрѣ и Февроніи Муромской.

Жаль, что святочная поэзія, столь любимая народомъ, поблекла отъ времени и историческихъ обстоятель-

ствъ, но изъ того, что уцѣлѣло отъ нея, изъ ея обломковъ, виденъ земледѣльческій ея характеръ, черты древняго быта.

Святочная поэзія объясняетъ поэтическія представленія, связанныя съ началомъ года, съ славянскими мѣсяцами, декабремъ и январемъ, названія, сложившіяся у славянъ этихъ мѣсяцевъ, примкнувшихъ съ обоихъ концовъ къ святкамъ и вошедшихъ въ составъ ихъ.

КРОСНА.

I. Устройство кросенъ.

Важное значенiе кросенъ въ народномъ быту, пѣсняхъ, обрядахъ и повѣрьяхъ, побуждаетъ насъ прежде всего разсмотрѣть устройство ихъ.

Кросна—снарядъ для тканья холста, снабженный нитками. Состоятъ кросна изъ слѣдующихъ частей: изъ навоя, на́бѣлковъ, нита, берда, челночка, цѣвокъ, поножей, собачекъ (волчковъ, горностайчиковъ), пруга, досточекъ, головы или малаго навоя, става, чепелокъ, кружелокъ.

Навой—вытесанная палка съ двумя головами; въ одной головѣ просверлены дырки, въ которыя вдѣвается палочка; при помощи этой палочки, по мѣрѣ надобности, поворачиваютъ навой.

На́бѣлки дѣлаются изъ дерева. Это—двѣ полукруглыхъ длинныхъ пластинки; въ каждой пластинкѣ съ одной продолговатой стороны дѣлается углубленiе, на подобiе канавки, глубина которой на одинъ вершокъ, а ширина на полъ-вершка. По концамъ этихъ пластинокъ пробиваются сквозныя дырки; въ дырки продѣваются узенькiя досточки. Къ нижней пластинкѣ прикрѣпляется полотно, а верхняя, при помощи пробитыхъ дырокъ, надѣвается на досточки. Верхняя пластинка, по мѣрѣ на-

добности, можетъ подниматься и опускаться. Въ набѣлки укладывается *бердо*.

Бердо. Изъ тоненькихъ палочекъ вяжется мастерами „бердешниками" такой снарядъ, черезъ который продѣваются нитки кросенъ; онъ имѣетъ видъ длиннаго гребешка; оконечности зубцовъ съ обѣихъ сторонъ закрыты палочками.

Нитъ. Онъ вяжется, при помощи досточки, изъ очень крѣпкихъ нитокъ, на подобіе цѣльной бахромы; въ нитъ продѣваются палочки. Посредствомъ шнурка нитъ привязывается въ „кружелкамъ" или „котелкамъ", при помощи „котелокъ" „нитъ" поднимается и опускается вверхъ и внизъ.

„Голова" или „малый навой" или „пришва". Это—вытесанная палка съ одной головою; въ головѣ просверливаются дырки. При помощи длинной палочки, которую вдѣваютъ въ дырки, поворачиваютъ „пришву".

Ставы. Два деревянныхъ бруска; у каждаго изъ нихъ по двѣ ножки; по серединѣ каждаго бруска пробиты дырки. Когда нужно ставы поставить, то въ дырки брусковъ вдѣвается вытесанная палка; позади брусковъ кладется „навой", а напередъ „пришва", такъ что „ставы" стоятъ на подобіе рамки стола.

Челночекъ. Онъ имѣетъ видъ бездонной лодки; въ оба мысика внутри упирается палочка, называемая „прутикомъ".

Цѣвки. „Цѣвка"—малиновый прутъ, въ серединѣ выдолбленный; на него наматываются нитки для утока кросенъ. „Цѣвка" вставляется въ челночекъ—надѣвается на прутикъ челночка.

Поножи. Это—досточки, на подобіе слѣда, на которыя ткущая женщина становится ногами; онѣ прикрѣ-

пляются такъ, что могутъ двигаться вверхъ и внизъ. „Поножи“, при помощи веревокъ, соединяются съ нитомъ.

Собачки, волчки или горностайки. Это—коротенькія палочки, которыми соединяютъ веревочки, идущія отъ нита къ поножамъ и отъ поножей къ ниту.

Пруги. Это—двѣ тонкія пластинки, скрѣпленныя по срединѣ ниткою, на подобіе ножницъ; на двухъ болѣе длинныхъ концахъ этихъ досточекъ сдѣланы жестяные наконечники съ двумя остріями.

Кружелки или котелки. Это—деревянные кружки съ дырками посрединѣ; кругомъ „кружелки“ идетъ желобокъ; по желобку бѣгаетъ шнурокъ отъ нита, приводящій нитъ въ движеніе.

Понебница. Это—палка вверху става, посредствомъ веревочекъ къ понебницѣ прикрѣпляются „чепелочки“.

Чепелочки. Это—продолговатые брусочки; вверху чепелочекъ дырка; сквозь дырку вдѣвается бечевка, и чепелка такимъ образомъ прикрѣпляется къ понебницѣ. А съ другого конца чепелки выдалбливается углубленіе; съ боковъ прокалываются дырочки; въ углубленіе чепелки вставляется котелка и чрезъ дырочки палочкой укрѣпляется котелка къ чепелочкѣ.

II. Бабы снуютъ.

Осенью бабы мотаютъ спряденный ленъ въ клубки; этимъ дѣломъ они обыкновенно занимаются Филипповками или осеннимъ мясоѣдомъ. Пряжа у каждой бабы доходитъ до полпуда съ лишнимъ. Сновать бабы начинаютъ съ масляницы.

Вотъ что бабы дѣлаютъ предъ снованьемъ.

Клубки бабы старательно вѣшаютъ и наблюдаютъ, чтобы они были равнаго вѣса, отъ 5 до 12 фунтовъ, и болѣе. Парные клубки бабы подбираютъ такъ, чтобы клубокъ съ толстой пряжей шелъ подъ пару къ клубку съ толстыми нитками, а клубокъ съ тонкими нитками — къ клубку съ таковой же пряжей.

Выдается ясный солнечный денекъ—вотъ бабы выходятъ на улицу сновать вдвоемъ, а то цѣлой компаніей. Подойдя къ стѣнѣ какой-нибудь постройки, сновальщицы прокалываютъ ее буравомъ; потомъ затачиваютъ подходящіе колики и забиваютъ ихъ въ проколотыя дырки. На пять стѣнъ пряжи идетъ одиннадцать коликовъ. Клубки бабы положатъ на землю рядышкомъ; прикрѣпляютъ жердочку гораздо выше клубковъ; къ жердочкѣ привязываютъ два колечка такъ, чтобы каждое колечко приходилось противъ клубка. Онѣ продѣваютъ сквозь колечко нитку: отъ одного клубочка въ одно кольцо, отъ другого въ другое. Баба беретъ досточку съ двумя дырочками; въ дырочки баба продѣваетъ по ниткѣ отъ одного клубка и отъ другого; кончики нитокъ связываются въ кучку.

Соображаются сновальщицы, сколько стѣнъ класть, въ какой ликъ берда класть: въ десятню, двѣнадцатникъ аль пятнадцатникъ (суконныя нитки снуются обыкновенно въ восьмуху). Посовѣтовавшись, бабы перекрестятся и рѣшаютъ, сколько стѣнъ класть. Старшая начинаетъ сновать, а младшая сидитъ возлѣ клубковъ, поворачиваетъ ихъ,—слѣдитъ, чтобы нитки прямо шли въ колечко, чтобы нитки не закручивались около клубка, не рвались.

Процессъснованія происходитъ такимъ путемъ. Баба лопаточкой ведетъ нитки вверхъ — начинаетъ отъ перваго колика; когда приходитъ къ „чинамъ“, то около

колика направляетъ нитки вверхъ и внизъ — образуется фигура въ видѣ цифры — восемь (8). Въ „чинахъ“, т. е. въ пунктѣ пересѣченія нитокъ, верхнюю половину нитокъ баба завязываетъ „пасмами“, а нижнюю половину завязываетъ шнуркомъ.

Баба бѣгаетъ съ нитками проворно, какъ паукъ, снующій паутину, но кладетъ нитки внимательно, куда слѣдуетъ, боясь „прошукаться“ (ошибиться) если „сбунтуется“ или собьется, то получается „перемота“. Въ случаѣ перемоты идетъ провѣрка нитокъ по всѣмъ коликамъ. Непремѣнно надо найти ошибку и исправить ее.

Нитки, которыя лежатъ въ лопатѣ, называются „дружичками“; онѣ должны лежать попарно, Если порвется нитка, надо найти „дружечку“ къ ней въ досточкахъ.

Ошибится баба сновать, выходитъ у нея „оброть“. Если образуются двѣ оброти, то восемь нитокъ остаnутся безъ употребленія.

Злополучная ткалья восклицаетъ:

— „Ахъ, я заклумилась и засуетилась; ахъ, я ошукалась. Прости Богъ! Чертъ ее вѣдаетъ! Знать не умру! Перемоту или двѣ поклала — знать буду жить!“ — „Оброть“ не найдешь, даже снимая нитки съ коликовъ, и не узнаешь, что она есть; а когда навьются кросна, то и найдутъ „мижинутину“. — Когда окончитъ баба сновать кросна и завяжетъ ихъ совсѣмъ, старшая баба поддерживаетъ кросна, а другая вынимаетъ со стѣны колики и начинаетъ снимать со стѣны кросна съ чиновъ и плететъ ихъ въ плетянку въ родѣ того, какъ плетутъ косы, — только не прячами, а въ петлю.

Одна баба идетъ напередъ; подойдетъ къ колику, первый выдернетъ, а съ другихъ сниметъ пряжу — такъ, не вынимая колика; другая же баба плететъ нитки въ

плетенку и кладетъ себѣ на плечо. Какъ всѣ кросна сымутъ, то въ глухомъ концѣ (противоположномъ чинамъ) баба завязываетъ кросна *разъ* узломъ.

III. Обвариваютъ и «перутъ» кросна. Испытаніе кросенъ.

„Кросна", т. е. нитки, приготовленныя для „кросенъ", кладутся въ мѣшечекъ и хранятся тамъ, покамѣстъ обваривать ихъ. Предъ обвариваніемъ кладутъ кросна въ кадочку и обливаютъ ихъ варомъ; потомъ кадка закрывается досточкой. Черезъ три, четыре часа баба вынимаетъ кросна и кладетъ ихъ на коликъ, вѣшаетъ надъ „посудиной", гдѣ варились кросна, чтобы съ нихъ стекала вода. Когда кросна немного обсушатся, ихъ кладутъ на лавку или на полъ и начинаютъ переплетать.

Идетъ хозяйка къ сосѣдкамъ и проситъ ихъ на помощь—кросна колотить; тѣ приходятъ толпою, и начинается дружная работа.

Кладутъ кросна на лавку ровненько рядышкомъ; колотятъ ихъ дружно вальками; только „тепъ, да лепъ, тра-та-та"! Звукъ этотъ слышенъ даже тогда, когда подъѣзжаешь къ деревнѣ, гдѣ „перутъ" кросна. Поправши порядочно или поколотивши кросна, начинаютъ испытывать, „дошли-ли кросна". Испытаніе происходитъ такъ.

Баба потретъ на рукѣ нитки. Если нитки готовы, скажетъ:

— „Слава Богу! видишь кума: нитки кучерявятся, не косматы".

— „Да, правда, кума; добили ихъ! Я жъ казала; что не бьются въ лепешки и отъ праниковъ разсыпаются".—Если нитки плохо уварены или выбиты, приходится раскаиваться позднѣе, когда ткутъ кросна.

Когда нитки приготовлены хорошо, во время тканья онѣ идутъ безразлично, „какъ по мѣди“; - отъ плохихъ нитокъ — идетъ съ навоя „косматье, а какъ пройдетъ иная мѣстина,—такая косматая, такая лохматая — хоть ножнями стриги. Если нитки плохо выварены, онѣ сильно рвутся. Вотъ у Хадоски Самохотовской кросна не допраныя, т.-е. не добитыя вальками и не доваренныя — нитки такъ и рвутся, распрядаются, Что же сдѣлала Хадоска? Она давай кросна поливать сыродоемъ и квасомъ. Дѣло однако отъ этого не поправилось. Охъ, премудры эти кросна! Тогда дѣло Хадоскино выгорѣло, когда Хадоска сварила обливку изъ сѣмени льняного и полила этимъ отваромъ нитки.

Когда кросна окончательно выбиты, бабы вдвоемъ берутся вытягивать ихъ; одна беретъ пряжу на плечо, а другая выпрастываетъ, раструшиваетъ нитки, чтобы выколоченная пряжа не запуталась. Одна баба къ себѣ тянетъ нитки, а другая къ себѣ. Вѣшаютъ сушить кросна на жердочкахъ въ избѣ или во дворѣ: какъ высохнутъ кросна, опять тянутъ ихъ въ плетенку и плетутъ ихъ какъ они были сплетены прежде; послѣ чего кросна сохраняются безъ перемѣны до навиванья.

IV. Ткаха садится за работу. Разговоры съ подругою. Повѣрья, связанныя съ работою на кроснахъ. Богородица на одной ногѣ стоитъ и помогаетъ ткахѣ.

Ткалья садится ткать съ молитвою:— „Господи Боже, благослови! Снарядила я кросна, какъ хотѣла: легонько, скоренько;—теперь отошло мое сердце! Узоромъ какимъ хочу, тѣмъ и буду вытыкать кросна: ти гречишкою, ти елочкою, ти волною.

Слава Богу! Давай Богъ, чтобы и въ кроснахъ было спѣшно, и чтобы была охота вытыкать ихъ“! Подходитъ подруга и съ большимъ любопытствомъ вглядывается въ работу:

— Здравствуй, систра!—

— Богъ помочь, систра! Что заспѣла, то на утокъ!—

— „Спасиба, систра! Что заспѣла, то отрѣжу на платокъ, а когда застанется, то на утокъ. Токать — наткешь три дни у локать, а въ девятый день потыкаешь— —и стѣна вонъ. А когда Божья Матирь пумагеть—Богородица, то и на однэй нозѣ загородится“!—

Когда начнетъ считать первое пасмо, то баба говоритъ: „Божья Матирь стоитъ на однэй нозѣ! Надо считать скорѣй. Покамѣстъ пасма насчитала, Божья Матирь на однэй нозѣ простыяла“!

Приходитъ мужчина и произноситъ доброе пожеланье: „прямина въ кросна, а кривина въ лѣсъ“!

Шутникъ скажетъ: „кривина въ кросна, прямина въ лѣсъ“!—

V. Процессъ тканья.

Ставитъ баба ставы, укрѣпляетъ ихъ; съ одной стороны кладетъ „навой“, а съ другой кладетъ тоже „навой“ или „пришву“.

Беретъ основанныя для кросенъ нитки; нитки эти сплетены въ плетенку. Со стороны, гдѣ чины, баба немножко расплетаетъ плетенку. Въ чины укладываетъ тоненькія досточки и привязываетъ досточки шнуркомъ такъ, чтобы досточки съ чиновъ не выпадали и могли двигаться по кроснамъ по мѣрѣ надобности — досточки должны пройти чрезъ всѣ кросна. Одинъ конецъ кро-

сенъ баба надѣваетъ на навой (баба начинаетъ „навивать кросна“), а плетенку съ кросенъ надѣнетъ на ногу и натягиваетъ нитки на ставахъ довольно туго; другая же баба сидитъ возлѣ навоя и слѣдитъ, чтобы нитки ложились ровненько на навой, расправляетъ нитки, раздвигаетъ ихъ по навою, какъ нужно; перегоняетъ досточки и чины на свѣжее мѣсто, а перегнатыя и перебранныя нитки кросенъ третья баба закатываетъ на навой, съ ноги понемногу спускаетъ петли кросенъ, и такъ продолжается до тѣхъ поръ, пока навьются всѣ кросна.

Когда вся плетенка окончательно навита, тогда разрѣзаютъ нитки кросенъ. Баба принесетъ нитъ, приготовленный для кросенъ, и начинаетъ „кидать“ разрѣзанныя нитки въ нитъ, а потомъ кидаетъ ихъ въ бердо; тогда навой съ навитыми кроснами кладетъ назадъ, а спереди кладетъ навой—пришву; къ пришвѣ привязываютъ прутикъ, а къ другому прутику привязываетъ разрѣзанныя нитки, идущія отъ берда; связываетъ эти два прутика тесемкой или веревочкой; наверху кросенъ кладется „понебница“, къ которой привязываются веревочками „чепелки“; въ „чепелки“ вдѣваются „котелки“; на котелки вѣшаются шнурочки, идущіе отъ нита; при помощи котелокъ и шнура, идущаго отъ нита, нитъ „вспырхиваетъ“, т.-е. подлетываетъ—поднимается и опускается такъ быстро, словно птица.

Снизу кросенъ къ ниту, на веревочкахъ, прикрѣпляются „собачки“ (или „волчки“), (или „горностайки“).

Къ „собачкамъ“ прикрѣпляются посредствомъ веревочекъ „поножи“. На полу, впереди кросенъ, внизу, кладется палка, къней и привязываются тоже небольшими веревочками „поножи“; безъ этой палки „поножи“ не держались бы ровно и передвигались бы со своихъ мѣстъ. Къ понеб-

ницѣ прикрѣпляются посредствомъ веревочекъ „набѣлки“. Баба наматываетъ на „цѣвку“ нитки, предназначенныя для утока кросенъ; въ цѣвку же укладываетъ „прутикъ“, и прутикъ съ цѣвкою помѣщаетъ въ челнокъ. Послѣ этого баба садится за кросна; перекрестится, беретъ челнокъ въ руки и начинаетъ ткать. Все равно, какъ мужчина на лошади ѣдетъ и кнутомъ погоняетъ: такъ женщина-ткаха смѣло машетъ челнокомъ; бойко постукиваетъ бердомъ и пѣсни поетъ, — да кросна припруживаетъ „пругомъ“.

VI. Неудачи во время тканья и разныя случайности.

„Бабскихъ судебъ много“.
Народная поговорка.

Едва ли не самый любимый разговоръ у нашихъ бабъ — о кроснахъ: онѣ любятъ говорить о нихъ, или „зюкать“, даже въ церкви и при встрѣчѣ у колодезя, гдѣ часто по долгу останавливаются съ ведрами.

Деревенская пословица утверждаетъ: „бабскихъ судебъ много“. Пословица эта примѣняется бабами къ „премудрой и хитрой“ работѣ на кроснахъ, да еще вдобавокъ полной разныхъ случайностей. Къ сожалѣнію, очень часто у бабы, по народному выраженію, „не дохватываетъ“ ума и ловкости ткать — и баба нагоняетъ, какъ говорится „рибзуевъ“. Въ с. Самохотовкѣ баба съ одного ряда нарядила кросна и хотѣла выткать сукно въ „ряды“, а „рядовъ“ — то не вышло, а вдругъ вышла — „гречишка“!

А то бабы навивали въ четырехъ кросна; оказалась неравномѣрность краевъ: одинъ край вышелъ длиненъ — изъ края вонъ, а другой сталъ коротокъ. Взяли бабы —

съ долгаго края и отрѣзали кусокъ ткани прочь. „Поправились бабы съ кулька въ рогожку!“ [1]).

Въ затруднительныхъ обстоятельствахъ, подъ одинъ край баба подложила подкладки, а другой обтиснула руками, а полотно все выходитъ косое: одинъ бокъ полотна частый, а другой рѣдкій—хоть муку сѣй! Полотно постоянно выходитъ косое, когда берда не приходятся ровно.

Недавно Платониху, что живетъ въ сельцѣ Самохотовкѣ, бѣда постигла—корова ее обидѣла—отожвала часть кросенъ. Платониха въ слезахъ бѣжитъ къ сосѣдкѣ Марковнѣ, которая слыветъ опытной ткахой:

-- „Баба-голубушка, моя ты Марковна, ходи ты сюда! Порай, (т.-е. посовѣтуй) что мнѣ дѣлать! Голоушка моя побѣдная (т--е. несчастная): корова кросна подожвала!“

Какъ доказательство горя, Платониха принесла Марковнѣ небольшой „прячикъ“.

По совѣту премудрой Марковны, дали кроснамъ высохнуть, затѣмъ стали навивать кросна,—положили ихъ на навой, заложили досточки. Пришли къ тому мѣсту, гдѣ пожвали коровы. Молодуха плачетъ. Марковна утѣшаетъ ее: „не плачь—мы твоей бѣдѣ пригадаемъ!“

Аухимовичъ (Ефимовичъ), мужъ злополучной Платонихи, поддерживая голову локтями, лежалъ на печкѣ и смѣялся надъ бабскимъ горемъ.

— „Аухимовичъ!“ вдругъ грозно крикнула Марковна. Аухимовичъ вздрогнулъ отъ внезапнаго крика.—Марковна разсмѣялась.

---

[1]) Пословица эта, вѣроятно, сложилась въ средѣ „рогожниковъ“, которые ткутъ „кульки“ и „рогожи“ такимъ же путемъ, какъ и бабы ткани свои на кроснахъ. Въ Спасъ-Деменскѣ, Мосальскаго уѣзда Калужской губерніи, и сейчасъ „рогожники“ занимаются своимъ ремесломъ.

— „Аухимовичъ, лѣзь-ка ты на хату, возьми тамъ другой навой, да иди съ нимъ сюда“:

Аухимовичъ повиновался — принесъ другой навой. Старый навой прочь — другой заложили. Чины перебрали, „довели“ или „докатили“ до края, гдѣ нитки пожвала корова; надвязали, гдѣ было порвано, другими нитками; навели другой навой и стали рядить кросна въ ряды; каждую часть вытыкали отдѣльно рядами. Изъ совсѣмъ испорченной работы, вслѣдствіе совѣта хитроумной Марковны, вышло „нѣчто“. Платониха огорченная коровой утѣшилась.

VII. Узоры кросенъ.

Кросна въ нашей мѣстности ткутъ „кружками“, „рядами“, „гречишкой“, „дорожками“, „елкой“, „рыбьей чешуей“, „волной“, „птицами“, звѣрями“.

Вся разница при исполненіи работы состоитъ въ томъ, какъ въ нитъ кидать, и какъ ткальѣ ходить по поножкамъ.

Если ткалья хочетъ ткать въ шесть нитовъ — „кружки“, она начинаетъ кидать со второй нитинки по одной ниточкѣ въ „кобылку“; пять нитокъ броситъ въ пять нитинъ; тогда другой рядъ начинаетъ баба съ крайней нитинки — гонитъ шесть нитинъ. Третій разъ съ первой кобылки гонитъ ткалья шесть нитокъ; начинаетъ второй кружокъ съ противоположной стороны нита, со второй кобылки, гонитъ пять нитокъ. Второй и третій разъ ткалья начнетъ съ крайней кобылки и гонитъ по шести нитокъ — выходитъ „кружокъ“.

На поножки надѣвается „разлучникъ“, точнѣе выражаясь, на веревочки, пониже „горностаевъ“. „Разлучникомъ“ называется брусочекъ съ дырочками; въ него

вдѣваются веревочки отъ поножей; — „разлучникъ" мѣшаетъ „поножамъ" соединиться въ кучку — „разгоняетъ" ихъ.

По поножкамъ ходитъ баба такъ: станетъ одною ногою на два поножа, а другою на одинъ. Тогда ткалья бросаетъ этотъ „поножъ", становится на третій, — первый отбрасываетъ, а слѣдующій беретъ и такъ прибавляетъ по одному поножу, пока до конца дойдетъ. Послѣ этого лѣвою ногою стоитъ на двухъ, а съ другого края правою — на одномъ поножѣ, пока дойдетъ до конца.

Выработанныя на кроснахъ ткани весьма часто вышиваются разноцвѣтными нитками. Узоромъ часто служатъ окна, причудливо расписанныя морозомъ въ зимнюю стужу. И въ пѣснѣ поется:

Сколько у мороза узорыу,
Столько у свекра норыу:
Я тыи узоры пиряйму —
Я свекру дыгажу!

Часто вышивали на тканяхъ разныхъ насѣкомыхъ: „мурашекъ", (муравьевъ), „прусаковъ", (прусовъ), „грецкихъ колявокъ", „пчелъ", „червячковъ".

Ткани, вышитыя такими причудливыми узорами, служили украшеніемъ рубахъ — ихъ употребляли въ рубашкахъ на поляки.

Чтобы выткать полотно „волною", нужно не доходить до края полныхъ кружковъ, повернуть назадъ, хотя по поножамъ. Выходитъ узоръ „волною", и сама баба замѣчаетъ, что ея работа похожа на движущіяся волны. Волною вытыкали полотенца и скатерти.

„Рядить въ елки" все равно, какъ и „въ кружки" — только ногами надо ходить все съ одного края, прибавляя по одному поножку.

„Елочками" вытыкали скатерти, полотенца, стирки (грязныя полотенца).

Чтобы выткать узоръ „гречихою“, надо ходить по поножамъ въ одну сторону, и, не доходя до края, одна поножка поворачиваетъ назадъ—образуется узоръ „гречиха“. Гречихой вытыкали скатерти.

„Птицами“ тутъ въ восемь нитокъ. Въ первомъ ряду вытыкаются „павлины“: два павлина смотрятъ одинъ на одного черезъ пряникъ. Во второмъ ряду тоже „павлины“: павлины обращены другъ къ другу спинами; между ними пряникъ. Въ третьемъ ряду „гусыни“ смотрятъ на индѣйку“; между ними пряникъ. Въ четвертомъ ряду „курица“ и „утка“ отвернулись одна отъ другой; ихъ отдѣляетъ пряникъ. Въ пятомъ ряду „голубь“ черезъ пряникъ смотритъ на „ястреба“. Въ шестомъ ряду между „журавлемъ“ и „тетеревомъ“ пряникъ. Изъ крупныхъ птицъ, кромѣ указанныхъ, вытыкались нашими ткальями: „сова“, „сорока“, „галка“, „желна“, „аистъ“, „дрофа“, „грохва“; изъ мелкихъ птицъ: „синица“, „воробей“; особенно часто изображались „вырiи“, т.-е. птицы, прилетающія весной и отлетающія осенью: „шпакъ“ (скворецъ), „чибисъ“ (чаица луговая—vanellus crestatus), „жаворонокъ“, „плисица“.

Ткали „птицами“ въ восемь нитокъ скатерти, салфетки, полотенца, пологи надъ кроватями.

Ткали въ старину также и „звѣрями“. Работа производилась въ 12 нитокъ. Вытыкались преимущественно слѣдующіе звѣри: „заяцъ“, „бѣлочка“, „лисица“, „выдра“, „хорекъ“, „горностай“, „ласица“, „собака“, „котикъ“, „львы“, „тигры“, „лось“, „барсукъ“, „лошадь“, „корова“, „овечка“. Иногда „звѣри“, выводимые на тканяхъ, находились между собою въ какомъ-нибудь соотношеніи: „собачка“ ловитъ „зайчика“; „котикъ“ подкрадывается къ „бѣлочкѣ“.

Ткани съ изображеніемъ „звѣрей“ служили какъ простыни и пологи; онѣ преимущественно были въ обиходѣ у купцовъ и помѣщиковъ.

Пряха и ткачиха въ народныхъ пѣсняхъ, обрядахъ и повѣрьяхъ.

Пѣсни и обряды, относящіеся къ пряхѣ, пріурочиваются большею частію къ святкамъ. Въ сельцѣ Свалахъ Смоленскаго уѣзда, на игрищѣ является Аннушка—прялья—самотока съ огромнымъ колесомъ; она пасетъ бычка на мірскомъ лужку. Мужики придираются къ Аннушкѣ за то, что бычекъ пасется на ихъ уругѣ и отнимаютъ у нея бычка, потомъ убиваютъ его; происходитъ дѣлежъ послѣдняго, и Аннушкѣ, хозяйкѣ, достается одинъ только хвостъ.

Мотивъ дѣлежки быка развивается и въ слѣдующей пѣснѣ, принявшей видъ сатиры на односельчанъ. Дѣвушки собираются въ посидѣлки и дѣлаютъ складчину: купили онѣ черняго быка *) за собранныя деньги и дѣлятъ его:

Збиралися дѣуки да уси у пысядѣлки,—
Дунай мой, Дунай, тихій, разлівной.
Складалися дѣуки да уси па капейки.
А купили дѣуки да чорныга быка.
Каму-жъ быка весьти, каму паганяти?
Андрею быка весьти, Яхиму паганяти
Кяму-жъ быка бити, каму што лупити?
А Ивану бити, Сяргѣю лупити.
Иванывымъ рожки—живутъ при у дарожки;
Краучонковымъ ребры—ихъ дѣтушки дробны;
Андреевымъ вока—глядить у чарку глубока,

---

*) О значеніи „быка“ въ арійской миѳологіи (го) и концепціи „пасти“ см. очерки Буслаева. О словѣ голыда сравн. говсень „объ Кубрацкомъ или Шубрейскомъ языкѣ у Дорогобужскихъ мѣщанъ. В. Н. Добровольскаго.

Новику селязень—яго жонка кавярзень;
Ягоровымъ трябухъ,—іонъ у рѣчки пратухъ,
Антоновымъ кишки,—ихъ дворъ бизъ накрышки;
А Марковымъ почки,—у яго гладки дочки;
А Галавню копыты—у яго уси клапаты;
Миренывымъ сукалѣна—у ихъ дроу ни палѣна;
Ирощовымъ . . . .—у ихъ кажонъ день драка;
Устину шкура,—яго Вася дура.

Обязанность „пасти" возлагается также въ святочной пѣснѣ и на ткачиху:

Овечичка—пухнаточка,
А хто тябе напасеть
Мая матычка?
Матка стара,
Дачка мала;
А я, маладенька,
Кросны ткала—
То у нитъ, то у нитъ,
То у бердичка,
Прибивай, прибивай,
Мое сердичка.

Часто выводится въ пѣснѣ прядущая, снующая и ткущая богатырша; она выполняетъ свою работу посредствомъ огромныхъ и необычайныхъ инструментовъ; сначала работа идетъ какъ-то несуразно, а потомъ изъ нея выходитъ нѣчто идейное и стройное.

Такова „тонкопрялья" Дунюшка въ одной изъ Смоленскихъ пѣсенъ:

Во икъ стала Дуня
Кросенцы снувати;
Кросны оснувала,
Верстъ семъ обсвистала,
Берды ни достала,
Во згароду ткала,
Коломъ прибивала.
Якъ стала Дуня
Хаустинку бялити;
Туды ѣхыу баринъ
Кривой Ахванасій.

Кривой Аѳанасій привѣтствуетъ Дуню, занятую своимъ трудомъ, какъ въ народной былинѣ Вольга Святославичъ Микулушку Селяниновича, почтеннаго пахаря:

Бохъ на помочъ, Дуня,
Рагожу бялити!

Дуня какъ то загадочно споритъ съ Аѳанасіемъ:

Крива твая рожа:
Эта ни рагожа—
Хаустина билая!

Особенно грандіозенъ конецъ работы чудачки Дуни:

Во якъ стала Дуня
Хаустину мачити,—
Семь рѣкъ усушила,
Хауста не змачила...

Въ с. Копелевѣ Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи мальчики приходятъ въ хату, посыпаютъ овсомъ и поютъ пѣсни:

Ой, Авсень, Авсень,
Ой, во борѣ, борѣ,
Сосенка стояла...

По окончаніи пѣсни пѣвцы спрашиваютъ у бабъ о результатѣ ихъ работы; бабы показываютъ ребятамъ горсть пряжи, изъ которой послѣдніе берутъ нѣсколько нитокъ.

Въ селѣ Дубовомъ, Скопинскаго уѣзда, Рязанской губерніи, подъ новый годъ, коляда, вымазанная сажей и увѣшанная коноплей, съ ременной плеткой въ рукахъ, также спрашиваетъ у бабъ, сколько онѣ напряли, и вѣшаетъ мотки ихъ пряжи,—лѣнивыхъ наказываютъ ударами плети.

Въ слѣдующей пѣснѣ милый утѣшаетъ прялью Ариницу, которая

Ахъ, три ниточки танешенькихъ выводила,
Ахъ, три мазолика кровавыхъ нащеукала,
Пришла къ милому дружку и паказала.

Милый говоритъ пряхѣ:

Ни пряди, мая милая, ни сбивайся,
Ахъ, придить праздникъ, святая нядѣля:
Па лясочкамъ вси красычки расцвитутца,
Па лугамъ, па лѣсамъ — лапушечикъ,
Я сарву тебѣ, милая, лапушечикъ,
Я сашью тебѣ, милая, сарахванчикъ,
Сарахванчикъ, раздуманчикъ, абарванчикъ.

Въ селѣ Кошелевѣ, Дмитровскаго уѣзда, Орловской губерніи, сажаютъ на салазки мужика или мальчишку съ поддѣльной бородою, даютъ ему донце, гребень и намычку и заставляютъ его прясть, а бабы и мальчишки возятъ его по всей деревнѣ и поютъ:

Маслинка — кургузка,
Бизъ тибе намъ жить грусва!
Сыръ и масла нализала,
А намъ дурамъ ни сказала.
Я на улицы была,
Я видѣлу драку,
Разорвала сарафанъ...

Въ Ельнинской веснянкѣ дѣвушки предлагаютъ вопросъ веснѣ:

— Весна, весна, на чемъ ты пришла?

Весна отвѣчаетъ:

На сохѣ, да на боронѣ,
На кривомъ веретенѣ“

Въ Смоленской веснянкѣ выводится также ткачиха Марья или Домна — по имени, Павловна — по отчеству.

Она находится въ „городѣ“, окруженномъ водою. Вода волнуется легкою зыбью, и Марья Павловна занята своей работой.

Пріѣздъ свекора пугаетъ Марью Павловну, что отражается на ея работѣ: у смущенной ткачихи путается работа, и кросна приходятъ въ безпорядокъ.

Но пріѣздъ отца ободряюще дѣйствуетъ на Марью

Павловну: она успокаивается, выражаясь словами Лермонтова, „у нея расходятся морщинки на челѣ“, и работа ея снова идетъ успѣшно.

Въ одной загадкѣ подъ именемъ „города“ разумѣется небесный горизонтъ, а „тарелочкой на водѣ“ называется солнце:

А у городѣ, городѣ,
Тарелочка на водѣ. (Смоленскій уѣздъ).

Такъ и подъ видомъ Марьи Павловны не выводится ли въ разбираемой пѣснѣ весеннее солнышко—то хмурое отъ налетѣвшаго снѣжистаго облачка, то просвѣтляющееся?--не даромъ весеннее солнышко и погода служатъ символомъ непостоянства: „Непостояненъ, какъ весенняя погода, непостояненъ, какъ весеннее солнышко“.

Ни ллѣй вода кругомъ города,
А въ томъ городѣ Марья Павловна,
Марья Павловна красенцы ткала,
Пасередъ вила круги золыта,
Па краяхъ вила черныя собыли;
Марья Павловна, свекырька ѣдить!
Марья Павловна улякнулася,
Круги золыта пасмишалися,
Черныя соболи разбижалися.
Марья Павловна, батюшка ѣдить!
Марья Павловна зрадувалася,
Круги золыта разобралися.
Черныя соболи рси збижалися.

Суевѣрія и легенды, связанныя съ ткачихою и кроснами.

Въ избѣ баба расположилась съ кроснами и занята своей работой.

Входящій въ избу говоритъ ткачихѣ: „кривина въ лѣсъ, а прямина въ кросна“. сказать наоборотъ – сглазить работу, повредить ей.

При перевозкѣ кросенъ надо сомкнуть ставы—а то волки соберутся, гдѣ перевозились кросна и будутъ таскать скотъ. По обычному праву не соблюдающіе этотъ

обычай наказывались штрафомъ за вредъ населенію неосторожностью и неосмотрительнымъ дѣйствіемъ (Бѣльскій, Смоленскій, Ельнинскій уѣзды).

Въ этомъ случаѣ роль ткачихи въ народномъ повѣрьѣ такая же, какъ и св. Егорья, „Ярина", который, по представленію крестьянъ, можетъ управлять дѣйствіями волковъ.

Когда снуютъ кросна, то стараются не оставлять ихъ въ ночное время на стѣнѣ. Баба не броситъ кросенъ, не доосновавъ ихъ.

Если по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ и случится это, то бываютъ за это и упреки, виновной говорятъ: „ты облака навѣшала!" (Арнишицы).

Нитки, оставшіяся отъ кросенъ послѣ тканья, называются „истками"; онѣ помогаютъ будто бы отъ ревматизма и ими стараются перевязать больные члены.

Въ одномъ изъ народныхъ заговоровъ противъ кровотеченія упоминаются подобныя древнимъ паркамъ три сестрицы, которыя прядутъ три нитицы".

„Нитка порвалась—кровь унялась"—такими словами оканчивается заговоръ.

Въ Муромской легендѣ уже при самомъ вступленіи своемъ на сцену является Февронья—ткачиха, въ обстановкѣ вѣщей дѣвы. Сидитъ она за кроснами, занимается тканьемъ,—какъ дѣва судьбы въ Сербской сказкѣ, которая или прядетъ золотую нить, и называется Сретею, то-есть счастьемъ, или въ видѣ сіяющей какъ солнце, дѣвы вышиваетъ лучами солнечными по основѣ изъ юнацкихъ кудрей; какъ идисы и норны нѣмецкой миѳологіи, которыя ткутъ, растягиваютъ и связываютъ нити судьбы человѣческой. Передъ вѣщей ткачихой для чего-то скачетъ заяцъ.

Февронія совершаетъ чудеса, превращая крохи отъ стола въ ладонъ, или въ одну ночь словомъ своимъ возрощаетъ изъ воткнутыхъ кольевъ большія деревья. Она исцѣляетъ болѣзни, говоритъ мудро и при томъ загадками, которыя, въ первобытномъ миѳическомъ своемъ значеніи, соотвѣтствуютъ сѣвернымъ рунамъ. Если Брингильда только учила Зигурда цѣлебнымъ рунамъ, то Февронія даже исцѣляла своего героя.

Въ нѣмецкомъ преданьѣ Матильда, прекрасная дочь императора Генриха III, чтобы воздержать себя отъ сна, сидитъ за кроснами, какъ наша Февронія или греческая Пенелопа, а передъ нею прыгаетъ собачка, лаетъ и машетъ хвостомъ; собачку эту звали Ведль или Кведль, и въ память ея Матильда называетъ основанное ею потомъ аббатство Кведлинбургъ.

Ткачиха въ смоленскихъ пѣсняхъ и повѣрьяхъ, какъ Февронія Муромская, объясняется большею частію загадками; дѣйствія ея тоже загадочны. Подъ ея вѣдѣніемъ находятся собачки въ кроснахъ (волки, горностайки), и она управляетъ дѣйствіями всѣхъ этихъ животныхъ. Когда она основываетъ кросна, передъ нею стоитъ какое-то миѳическое существо, напоминающее Скандинавскую ткачиху Берту Гусиную Лапку, символизировавшую солнце: „Пока семь кросенъ основала, Богородица на одной нозѣ простояла!“

Ткачиха можетъ своими дѣйствіями навести облака и вызвать дождь.

Если Февронія Муромская выращиваетъ за одну ночь деревья, то пряха и ткачиха въ народной пѣснѣ имѣетъ отношеніе къ растительности—дѣятельность ея тѣсно связана съ работою Солнышка, измѣняющаго зимній коверъ земли на весенній и болѣе роскошный—лѣтній.

Пряхи и ткачихи, подобно древней Февроньѣ, занимаются врачеваньемъ, пользуясь для этого „истками“ и другими средствами, которымъ въ народѣ приписывается чудодѣйственная сила.

Февронія представляется съ прыгающимъ зайчикомъ.

Съ „зайцемъ“ въ народномъ умозрѣніи связано представленіе о лучезарномъ сіяніи.

Дѣти, стоя предъ солнцемъ, наводятъ зеркаломъ „Зайчиковъ“. Заяцъ — эпитетъ мѣсяца: „заяцъ — мѣсяцъ“.

Отчество ткачихи подобрано въ пѣсняхъ „Павловна“.

Красно солнышко
Марья Павловна.
(Авсеневыя пѣсни Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ.).

Павлинъ, — Пава, Павье перышко, Павій вѣнокъ — любимые образы народной поэзіи.

Павлинъ, Пава въ народномъ языкѣ — эпитеты богатаго хозяина, хозяйки, жениха въ томъ періодѣ свадьбы, когда образъ его является просвѣтленнымъ. Плыветъ якъ пава. Павичъ — эпитетъ панича, барича.

Съ „Павлиномъ“ въ арійской миѳологіи связывалось представленіе о нарождающемся новомъ годѣ.

„Павлинъ“ символизировалъ вечернюю и утреннюю зори, радужное сіяніе весенняго солнышка.

И подъ греческимъ названіемъ „таос“, видоизмѣнившемся въ таус, Павлинъ встрѣчается часто въ народномъ и Славянскомъ языкѣ. Слово „таус“ было широко распространено на востокѣ среди Персовъ, Армянъ и Арабовъ. Въ „Бесѣдахъ“ Іоанна Златоуста встрѣчается „таос“.

Таусиный — темносиній; въ таусиныя ризы, отливавшія сине-радужнымъ цвѣтомъ, облекалось столичное духовенство подъ новый годъ.

„Таусень“ придавался, какъ эпитетъ, къ тѣмъ предметамъ, къ тѣмъ въ особенности орнаментамъ, которые какъ-нибудь были связаны съ Павлиномъ, павьимъ перомъ, или напоминали радужное сіяніе этой птицы. „Таусень“ шапка кучера съ павлиньимъ перомъ; „Таусень“ —перстень съ камнемъ, отливавшимъ радужнымъ свѣтомъ павлиньяго пера, и имѣющій чудодѣйственное значеніе оберега. Таусень Іоанна Грознаго (см. разсказъ Лѣскова „Пугало“).

Быть можетъ, и таусень авсеневыхъ пѣсенъ происходитъ отъ греческаго ταος, какъ и таусиный, таусень въ народномъ языкѣ; такому предположенію не мѣшаетъ и значеніе павлина, таоса, тауса, усвоенное народной поэзіей и миѳологіей.

Замѣтимъ, что у латышей коверъ, вытыкаемый ткачихой называется авш. А „авш“ одного корня съ авшас—утренняя звѣздочка, „авшра“,—утренняя и весенняя зоря.

Святочные обряды и пѣсни съ обсѣваньемъ. Фиктивное сѣяніе. Гаданія по зерну. Аналогія между урожаемъ и рожденіемъ человѣка, животныхъ. Перенесеніе семейныхъ отношеній на годъ и мѣсяцы. Особое значеніе проса въ славянской культурѣ и обрядахъ. Отраженіе быта въ миѳологіи и поэзіи. Плугъ и Кросна.

Святочные обряды и пѣсни съ обсѣваньемъ не встрѣчаются въ Смоленской губерніи и смежной части Орловской; но я ихъ находилъ въ Кромскомъ уѣздѣ Орловской, въ Калужской и особенно Рязанской губерніяхъ; я интересовался очень этими обрядами, потому что они рельефно выражаютъ представленіе народа,

связываемое со святками и началомъ новаго года, и объясняютъ святочные обычаи и суевѣрія крестьянъ Смоленской губерніи.

Въ Рязанской губерніи подъ Рождество является въ хату пастухъ и бросаетъ зерно съ особыми приговорами и пожеланіями; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обсыпаютъ овсомъ и мальчики, поющіе „овсень“.

Подъ Крещенье кормятъ скотъ сноповымъ хлѣбомъ всякаго рода, что напоминаетъ и Смоленскій обычай.

По извѣстіямъ въ XVII-мъ вѣкѣ коляду, усень, таусень кричали подъ Рождество: (таусинили, усенькали). Что обрядъ былъ земледѣльческаго характера, видно изъ того, что въ грамотахъ весьма часто попадается рядомъ съ таусенями, усенями и плуги: на вечеріе Рождества Христова, Васильева дня, Богоявленія, клички бѣсовскія кличуть; коледи и таусень и плугу (акт. ист. IV, 181—8).

Пастухи въ Рязанской губерніи, являющіеся подъ Рождество въ хату съ овсомъ, приговариваютъ.

На радуща, на плодуща, на доброе здоровье.

Въ своихъ приговорахъ пастухи перечисляютъ всѣ хлѣба, засѣваемые въ Рязанской губерніи.

Сѣю, посѣваю,—аржаницу насѣваю.
Сѣю посѣваю—просеницу насѣваю.
Ягняточки подъ лавочкой, поросяточки за печечкой...

За неимѣніемъ овса иногда пастухи обсѣваютъ всякимъ сборнымъ хлѣбомъ; въ приговорахъ пастуховъ Спасскаго уѣзда проводится параллель между ростомъ засѣваемаго овса и благоденствіемъ хозяина съ его семействомъ и домашняго скота.

Во многихъ мѣстностяхъ на святкахъ существуетъ еще обычай бросать овсяныя зерна въ ящикъ, наполненный землею, и гадать по проростанію зеренъ, по цвѣту юнаго злака овса.

Дѣвушкамъ кажется, что прозябающее зерно растетъ съ нѣкоторымъ шумомъ, и вотъ онѣ прислушиваются къ росту зерна, когда оно продирается изъ скорлупки и выглядываетъ на Свѣтъ Божій; онѣ стараются также наблюдать за цвѣтомъ молодого овса: какой онъ свѣтло-зеленый, темно-синій, или пестрый.

Наступаетъ конецъ новаго года въ Рязанской губерніи—хозяйка чистымъ вѣникомъ выметаетъ хату, застилаетъ чистую скатереть; на столъ кладетъ большой хлѣбъ, хозяинъ зажигаетъ свѣчу предъ иконой, и вся семья молится Богу.

Хозяйка, ложась спать, кладетъ подъ голову вѣникъ и загадываетъ о будущемъ урожаѣ. И вотъ происходитъ чудо: какъ будто въ эту ночь хлѣбъ выпадаетъ въ избѣ и оказывается преимущественно въ красномъ углѣ, хотя хата и была выметена чисто. И стараются наблюдать, какое зернышко окажется въ углу: просяное или овсяное, или житное—такой хлѣбъ и урожаенъ будетъ; такой хлѣбъ и надо сѣять по преимуществу.

По преданіямъ стариковъ, въ старину такъ и сбывалось (сходилось).

Святочныя суевѣрія касаются преимущественно проса: „мятите дѣвушки хату чисто; а то проса будутъ сорны“. Въ составъ святочныхъ пѣсенъ входитъ старинная хороводная: „а мы просо сѣяли, сѣяли“.

Въ свадебныхъ обычаяхъ играетъ роль зерновой хлѣбъ; ему также принадлежитъ роль въ суевѣріяхъ, касающихся женскихъ родовъ.

При отправленіи подъ вѣнецъ сваты обыкновенно садятъ молодыхъ на войлокѣ, въ которомъ завернуты снопы ржи и овса.

Если молодая родитъ въ первый разъ дѣвочку, а

не сына, то послѣ выздоровленія ее сѣкутъ ржаными колосьями, чтобы впредь она рождала сыновей; иногда это продѣлываютъ съ мужемъ, а не съ женою.

Передъ большими праздниками въ декабрѣ мѣсяцѣ пекутъ изъ пшена, (проса) лепешки, которыя зовутся „каравайцами"; дѣлаютъ также кисель изъ овса.

Въ приговорахъ пастуховъ слова „овсеница" „просеница", указываютъ на эти хлѣба въ полномъ ихъ составѣ, а также и на все молодое нарождающееся, кормимое хлѣбнымъ зерномъ и растущее подобно зерну: поросенокъ, теленокъ, ребенокъ, упоминаются въ приговорахъ пастуховъ, и послѣдніе всѣмъ молодымъ существамъ, метая овесъ, желаютъ расти такъ быстро, какъ растетъ овесъ или другой хлѣбъ.

Въ святочной русской поэзіи, какъ и въ славянскихъ сказкахъ, мѣсяцы изображаются подъ видомъ братьевъ. Они существа свѣтлыя и надѣляющія людей всякимъ добромъ; они занимаются разными промыслами. Возможно, что и на новый годъ, и на мѣсяцы перенесено было святочное представленіе, относящееся ко всему нарождающемуся, начиная съ человѣка и кончая злакомъ.

Огонь (агній) долженъ былъ поддерживаться постоянно у домашняго очага; зерна *) не должны переводиться у хозяина: когда ихъ мало, то судьбѣ угодно таинственно ниспослать ихъ хозяину, и вотъ мы видимъ чудесное появленіе зеренъ въ кутнемъ углу подъ новый годъ.

Свѣтъ тоже не переводится.

Со Спиридона свѣтъ уже перересталъ умаляться. А вотъ онъ увеличился уже на маковое зернышко, а къ новому году на куриный шагъ.

---

*) У древнихъ грековъ слова „пшеница" и „свѣтъ" происходили отъ одного корня. Лекція Ѳ. И. Буслаева.

Всѣ хлѣба, какъ мы сказали выше, перечисляются въ святочныхъ приговорахъ пастуховъ; но въ старину, вѣроятно, разумѣлось и упоминалось одно просо. Вотъ что говоритъ Ю. Липпертъ въ своей исторіи культуры о широкомъ распространеніи проса.

„Въ то время какъ употребленіе риса, составляющаго и въ настоящее время главное пищевое вещество для большей части человѣчества, было распространено среди племенъ желтой расы, живущихъ въ восточныхъ долинахъ, просо составляетъ посредственное звено между растеніями, воздѣлываемыми свѣтлыми и темными расами. Просо гораздо менѣе прихотливое растеніе, чѣмъ рожь, и можно предположить, что оно перенесено первоначально изъ болѣе жаркихъ широтъ при постепенномъ передвиженіи первобытныхъ людей къ сѣверу, гдѣ они, найдя наши сѣверные злаки въ дикомъ состояніи, примѣнили къ этимъ растеніямъ уже извѣстные способы воздѣлыванія. Просо имѣло въ древности значеніе, совершенно утраченное имъ въ настоящее время. Наукой съ достовѣрностью установлено, что самые древніе остатки европейскаго населенія составляютъ тѣ народы, которые всего болѣе отодвинуты къ западу. Къ нимъ относятся иберійцы въ Испаніи и Аквитаніи, и они именно, какъ свидѣтельствуетъ Страбонъ, и занимались преимущественно культурой проса. Кельты тоже главнымъ образомъ воздѣлывали просо, и даже въ Марсели Цезарь нашелъ въ запасѣ больше всего проса.

Не только во всей Галліи, но и въ верхней Италіи, культура проса была распространена Кельтскимъ населеніемъ. Ксенофонтъ, упоминая объ одномъ племени, населяющемъ древнюю Фракію, называетъ его употребляющимъ въ пищу просо.

Просо составляло также главную пищу Сарматовъ и Понтійскихъ народовъ.

Теперешняя Венгрія во время нашествія Гунновъ производила вѣроятно преимущественно просо. Когда Прискъ, находясь въ Свитѣ Атиллы въ качествѣ члена римскаго посольства, проѣзжалъ чрезъ эту страну, ему вездѣ предлагали пищу изъ проса. Провіантъ Гунновъ тоже исключительно состоялъ изъ проса.

Возможно, что славяне отсюда перенесли въ свое позднѣйшее мѣстопребываніе культуру проса, оставшуюся болѣе или менѣе чуждой остальнымъ вѣтвямъ бѣлой расы римлянамъ, грекамъ и германцамъ.

Интересно подмѣтить, какъ эта употреблявшаяся повсюду въ стари и теперь почти оставленная пища отразилась на религіозныхъ и праздничныхъ обычаяхъ славянъ—то и другое вѣдь находится въ тѣсной связи. Домашніе духи у нихъ оказываютъ особенное предпочтеніе пшонной кашѣ и славянскія свадьбы никогда не обходятся безъ этого неизбѣжнаго праздничнаго блюда, несмотря на то, что славяне уже привыкли къ лучшей пищѣ и не занимаются уже теперь воздѣлываніемъ проса“.

Разбитіе горшка съ кашей практиковалось, и теперь еще практикуется при обрядахъ, знаменующихъ рожденіе на свѣтъ молодыхъ существъ: теленка, человѣка и т. д. Въ старину этотъ обрядъ сопровождалъ не только рожденіе человѣка, какъ это видно изъ обрядовыхъ пережитковъ, но и рожденіе животныхъ, какъ будто составляющихъ продолженіе семьи, а также и рожденіе новаго года, на который было перенесено понятіе семей-

наго начала и хлѣбнаго урожая, отчего и получили названіе „просень“ декабрь и январь мѣсяцы *). Понятіе объ урожаѣ и богатствѣ могли быть перенесены на самыя орудія для разработки земли, какъ напр. плугъ, на инструменты для домашней работы, каковы прялка и кросна. Въ малороссійскихъ колядкахъ плуги представляются золотыми. У скиѳовъ тоже существовало преданіе о золотомъ ралѣ. У черноморскихъ грековъ были праздники въ честь плуга, сопровождавшіяся гаданьемъ. У нашихъ крестьянъ лемешъ — символъ продолжительности хозяйства.

„Батькины лемяши доуги — ихъ не припашишь“.

У древнихъ грековъ съ плугомъ соединялось представленіе о мужской силѣ. Антигона Софокла.

Человѣкъ, занимаясь: звѣроловствомъ, скотоводствомъ, хлѣбопашествомъ, естественно близко стоялъ къ природѣ; онъ зорко наблюдалъ ея явленія и по своему истолковывалъ ихъ; онъ одухотворялъ природу — и многія черты ея онъ перенесъ на свой домашній очагъ и на семью. Съ другой стороны, смотря на природу субъективно и даже съ точки зрѣнія своего быта, онъ приписалъ природѣ человѣческія стремленія, придалъ ей человѣческія орудія для достиженія стихійныхъ цѣлей, какъ напр.: плугъ, кросна. Отчего плугъ, прялка и кросна и являются любимыми образами календарной поэзіи, они окружены также какимъ-то ореоломъ, равно какъ и дѣятельностью трудящихся съ этими инструментами, является возвеличенной и богатырской въ народномъ представленіи.

В. Н. Добровольскій.

---

*) Мѣсяцы въ русскихъ пѣсняхъ и сербскихъ сказкахъ представляются живыми существами, большею частію братьями. Они существа свѣтлыя и надѣляющія людей добромъ. См. пѣсни Дмитровскаго уѣзда, Орловской губ. Добровольскаго.